

Перед воротами родового зала столкнулись две эпохи: старая и новая. Они стояли друг против друга, точно рассвет и закат — одна разгоралась яростным пламенем, другая подернулась пеплом и серой мглой.

Для старейшин, этих «декоративных фигур», чья власть давно стала призрачной, передача полномочий была неизбежна. В глубине души они уже давно ждали этого момента, как ждут падения второго сапога на пол. Однако в своих самых мрачных фантазиях они не могли представить, что их лишат «орденов чести» столь беспощадно, на глазах у всего клана — стариков и детей. С них сорвали доспехи мнимого достоинства, выставив на позор перед теми, кого они годами презирали, унижали и тайно притесняли.

Лица восьми старейшин разом переменились. Цуй Люй, то ли намеренно, то ли случайно, подобрал себе помощников из тех, кто сам или чьи предки больше всего пострадали от произвола стариков. В глазах молодых людей, стоявших за спиной главы, читалась холодная жажда расплаты.

Гнев, вызванный столь вопиющим нарушением приличий, захлестнул старейшин. Позабыв о былых распрях, они сплотились и единым фронтом обрушились на Цуй Люя.

— Цуй Люй, что это значит?! — выкрикнул один из них.

Его лицо побагровело, а коренастая, бычья фигура напряглась, словно он был готов броситься в атаку. Остальные старейшины поддержали его негодующим хором.

В их представлении Цуй Люй никогда не был человеком великих замыслов. Они видели в нем лишь очередного консерватора, который свято чтит заветы предков и не терпит никаких новшеств. Он казался им умным, но ограниченным хранителем кланового имущества, предпочитающим покой любым переменам. Весь род знал: приблизить к себе он может лишь людей недалеких, молчаливых и исполнительных — тех, кто будет безропотно выполнять приказы.

Его замкнутость привела к тому, что поместье Цуй и остальной клан существовали как два разных мира. Люй установил строгие правила, запрещающие сородичам беспокоить его по пустякам или из-за личных невзгод. Он следил за общим благополучием рода, но не желал тратить время на мелкие дразги. Пока он был главой, клан не умирал с голоду, но и лишнего медяка от него было не дожидаться.

«Судьба в руках Неба, а достаток — в твоих собственных», — эту фразу он любил бросать в лицо просителям, давая понять, что помощи не будет.

Он считал, что в вековом клане выживает сильнейший. Если при поддержке клановых полей семья не могла наладить жизнь, значит, она была обречена на угасание, и жалеть её не стоило.

Естественный отбор был для него стратегическим принципом: только те, кто мог развиваться вместе с родом, имели право на продолжение крови. Клан не должен кормить бездельников, а те не должны становиться обузой для всех.

Это равнодушие главы давало старейшинам простор для маневра. Пользуясь нелюдимостью Люя, они выступали посредниками между холодной главой и отчаявшимися сородичами. Играя роль «добрых заступников», они зарабатывали себе репутацию и почет, а редкие случаи притеснения тех, кто не желал им подчиняться, списывали на невоспитанность и неуважение к старшим.

Цуй Люй действительно не любил общаться с людьми — эта черта характера сформировалась у него еще в детстве. Когда он возглавил род, его молчаливость стали принимать за величие власти. Лишь те немногие, кто входил в его ближний круг, знали: в его сердце не было деления сородичей на благородных и низких.

Для него существовали лишь различия в возрасте и близости родства. Общее имя и общие предки означали, что, унижая другого, ты унижаешь и себя.

Бедный или богатый, удачливый или терпящий нужду — все они были его кровными родственниками. Он не вмешивался в их личную судьбу и не судил о людях по их достатку.

Но сородичи не знали его мыслей. Они видели лишь его методы управления и не догадывались, что «заступники», входившие в поместье с видом миротворцев, часами просиживали на холодных скамьях в приемной, чтобы потом выйти к людям с пустыми руками и лицемерным вздохом. Их истинной целью всегда было разобращение рода ради собственной выгоды.

Цуй Люй не уважал их, но позволял им играть свои роли, пока их интриги не вредили интересам клана. Он закрывал глаза на их двуличность до тех пор, пока один из них не совершил поступок, заставивший главу понять: дальше медлить нельзя. Пора было заменить этих «лис» верными людьми.

Он готовил этот план долго и тщательно, выжидая подходящего момента. И вот теперь, перед лицом всего рода, он решил сорвать маски.

Группе проходимцев, привыкших наживаться на обмане сородичей, не место в совете старейшин. У них нет права на клановое содержание и уважение рода.

Цуй Люй взмахнул рукой. Из группы его советников вышел мужчина лет тридцати пяти. В руках он держал переплетенную книгу — «Реестр наказаний». С бесстрастным лицом он открыл её и начал читать:

— Цуй Кайу, старейшина девятого дома, потомок в пятом колене Третьего дома клана Цуй...

Девять домов клана Цуй возглавляла ветвь главы — первая и главная. Остальные восемь домов управлялись младшими ветвями, чьи главы занимали наследственные посты старейшин.

В прежние времена, когда власть старейшин еще была реальной, Второй и Третий дома считались помощниками главы — левым и правым крылом рода. Они обладали большим весом, чем остальные шесть домов. И по сей день эти два дома пытались диктовать свою волю остальным, прикрываясь правом говорить от имени всего совета. Но на деле, когда реальная власть утекла у них сквозь пальцы, между домами начались раздоры: младшие ветви больше не желали признавать верховенство старших.

Цуй Люй изучил эти внутренние распри. Он знал, что единство совета — лишь видимость, и они готовы вцепиться друг другу в глотки при первой возможности.

— Цуй Чанлинь? Это же Чанлинь?! Боги мои! О старый Ляо, старый Цуй Лаоляо, иди скорее сюда! Неужели это твой сын? — раздался крик в толпе.

Цуй Лаоляо, маленький и щуплый человечек, едва заметный в гуще людей, почувствовал, как его толкают в спину. Споткнувшись, он вылетел вперед, в пустое пространство перед храмом. Там, за спиной грозного главы клана, он увидел своего старшего сына. Чанлинь, вечно серый и молчаливый, из которого дома слова не вытянешь, стоял в добротном синем халате ученого.

Старик Лаоляо едва не рухнул от неожиданности. Если бы не старуха-жена, вовремя подхватившая его под локоть, он бы точно сел в пыль. Они оба, вытаращив глаза, смотрели на ребенка, которого всегда считали самым никчемным в семье.

Ну и что, что первенец?

Он всегда был как немой: не умел подлизаться к родителям, не подавал надежд. Знай себе спину гнул на работе — вот и все его достоинства. В семье его не замечали, родители не признавали его заслуг, а младшие братья и сестры не уважали. Его единственной ценностью была возможность беспрепятственно его использовать.

— В пятнадцатый год правления под девизом Тянью, Цуй Кайю, желая заставить старшую ветвь расторгнуть долговые обязательства, вступил в сговор с побочной ветвью клана Цзян. Их целью было разграбление клановой сокровищницы и разорение поместья... — голос Чанлиня звучал твердо.

Толпа взорвалась криками.

Всплыла правда о смерти Цуй Юна — трагически погибшего наследника клана.

Цуй Люй холодно смотрел на покрывшегося холодным потом Цуй Кайю.

— Знаешь, как я заподозрил тебя? Ты действовал осторожно, но твоя натура не позволила тебе скрыть гордыню. Ты слишком кичился своими «заслугами»...

Затевая похищение, Кайу, возможно, хотел лишь выгадать немного денег. Но его сообщники решили пойти до конца. Они не отпустили заложника после получения выкупа, а искалечили его до полусмерти. Они не ожидали, что старый глава предпочтет сохранить имущество рода, даже ценой жизни сына. В итоге бандиты бросили умирающего и сбежали.

— Едва я занял пост главы, ты пришел ко мне с видом благодетеля. Ты вел себя так, будто я обязан тебе всем, что имею. Я тогда очень хотел спросить тебя: что именно дает тебе право считать себя моим спасителем?

Лицо Цуй Кайу стало мертвенно-бледным. Под тяжелыми взглядами сородичей он невольно съежился.

Цуй Люй неспешно повернул нефритовый перстень на пальце и продолжил:

— Брат Юн был сильнейшим среди нас. С детства он обучался у начальника стражи и мог в одиночку раскидать пятерых. В тот год он сопровождал старшую тетю в дом её родителей, но по дороге его оглушили и похитили. Тетю отпустили, вручив ей требование выкупа — десять тысяч золотых слитков. Кайу, ты знаешь, что чувствовал тогда мой дядя? Знаешь, что чувствовал я, когда с золотом в руках пробирался по лесам, надеясь найти брата?

Вот почему тетя отказалась от него: он не смог вернуть Юна невредимым. После того случая здоровье брата было подорвано, и он угасал с каждым днем, живя лишь на горьких отварах.

Цуй Люй на мгновение умолк, глядя в лазурное небо.

— Ты ведь до сих пор не знаешь, почему твои сообщники нарушили договор и лишили тебя твоей доли?

Дыхание Кайу стало прерывистым.

— Потому что их покровитель пал. В пятнадцатый год Тянью пятый сын покойного императора Дачжэн был тайно привезен пятью великими кланами в Цзянчжоу. Прежний наследник стал не нужен, его бросили в темницу. Его люди, оставшись без опоры, впали в отчаяние. Им было наплевать на договор с тобой — им нужно было золото, чтобы нанять наемников и пробиться к своему господину.

Тогда Люю было едва за десять. В вихре интриг Цзянчжоу он был лишь беззащитным сиротой, которого никто не принимал в расчет. Его послали с выкупом, потому что ребенок не представлял угрозы, и потому что за него некому было заступиться. Он выживал в клане только благодаря собственной воле.

Вот почему он не испытывал ни капли сочувствия к тем, кто, имея помощь от клана, просил еще.

Цуй Чанлинь снова поднял свиток:

— В восьмой год Чунъю династии Данин ты вступил в сговор с изгнанниками из клана Сюй, ставшими морскими пиратами. Ты хотел повторить старый трюк и добраться до сокровищ поместья Цуй. На пути госпожи Цинь в её родной дом вы захватили её и младшего сына Чжунхао. Снова требование — десять тысяч золотых.

Это был тот самый случай, за который Цуй Люя презирали больше всего и который привел к разладу в его семье. Он не стал договариваться, как его предшественник, а прямо заявил похитителям: «Делайте с ними что хотите, я не дам ни монеты».

В глазах Цуй Люя вспыхнула ярость.

— Ты втерся в доверие к Чжунхао и годами отравлял его разум, настраивая против меня. Мальчик вырос скрытным и озлобленным. Если бы я вовремя не пресек ваше общение, ты бы сделал из него отцеубийцу. Даже сегодня его строптивость — это плоды твоих уроков. Цуй Кайу, ты заслуживаешь смерти!

Старые раны, если их не вскрывать, кажутся затянувшимися. Но стоит сорвать повязку — и былая связь рушится навсегда.

Чанлинь даже не успел перевернуть страницу, как Люй продолжил:

— Чтобы сосватать сыну Цуй Кайшоу дочь из знатной семьи У, ты решил пожертвовать моей дочерью Юлин. Ты подстроил её «случайную» встречу с повесой из рода У, рассчитывая, что я снова откажусь платить выкуп, и девочку отдадут ему в наложницы. Но, Кайу, ты не учел разницы между быстрой казнью и медленной пыткой. Умереть от руки разбойника — это одно, а гнить всю жизнь в чужом доме на правах рабыни — совсем другое. Как бы я ни дорожил золотом, я не мог позволить дочери пасть так низко. В тот год ты просчитался и был вынужден отдать собственную дочь, чтобы умилостивить знатного господина. Ты ведь тогда сильно возненавидел меня, не так ли?

Все расчеты Кайу строились на том, что он знал о богатствах поместья. По его прикидкам, под полом старого дома было зарыто не меньше миллиона. Жадность сжигала его изнутри.

— Твой первый план совпал с переделом власти между великими кланами, — негромко произнес Цуй Люй. — Мой дядя боялся привлечь лишнее внимание и предпочел замять дело, несмотря на подозрения. Второй твой замысел пришелся на смену династий, когда император У взялся за чистку знатных семей. Я знал о твоих связях с врагами, но молчал, боясь обвинения в пособничестве пиратам. Ты казался всем добродушным и верным, но каждый твой шаг вел к гибели всего нашего рода. Ты держал нас с дядей на поводке, заставляя скрывать

твои преступления ради выживания клана. Тебе ведь это нравилось? Наблюдать из тени, как мы выбиваемся из сил, спасая жизни сородичей?

Кайу отступил на шаг. Он почувствовал, как над его шеей заносится невидимый топор.

Цуй Люй замолчал. Его взгляд упал на второго сына, который в оцепенении смотрел из храма. Глава слегка взмахнул рукой, и стража мгновенно окружила Цуй Кайу.

Тот попытался спрятаться за спинами других старейшин, но те поспешно расступились, едва услышав обвинения. Кайу оказался один в пустом круге.

— Ты не смеешь! — закричал он. — Мой зять — молодой господин из рода У! Моя дочь...

Цуй Люй посмотрел на него с горькой жалостью.

— Твоя дочь давно мертва, разве ты забыл? Тот самый господин У случайно задушил её в порыве гнева.

Цуй Кайу рухнул на колени прямо на пороге родового зала. Стоявший за его спиной Цуй Чжунхао не мог поверить своим ушам. Тайны прошлого обрушились на него, лишая опоры. Обида на отца и недавнее недовольство своей участью разом исчезли, сменившись ледяной пустотой.

Он упал на колени, и слезы хлынули из его глаз.

Список в руках Чанлиня теперь казался людям книгой судеб в руках самого Янь-вана. В тот день сородичи впервые увидели истинные лица тех, кого почитали за мудрых старцев.

— Цуй Кайшоу. В шестнадцатый год правления Тянью обманом заманил своего брата Каймо в игорный дом. За десять дней тот проиграл всё наследство предков, едва не отдав в счет долга жену и дочерей...

Маленький внук Цуй Каймо вышел из толпы и низко поклонился Люю:

— Великий дедушка, перед смертью бабушка наказывала мне поклониться вам при всём народе. Спасибо, что тогда спасли их и забрали с пристани банды речных перевозок.

Люди вокруг зашептались:

— Как же так? Семья Каймо говорила, что их спас какой-то заезжий купец... Неужели это был глава?

Чанлинь продолжал:

— Цуй Яньбинь. Во второй год Чунъю, пользуясь званием старейшины, заставил писца Цуй Сяня подделать приговор. Опасному преступнику из побочной ветви пяти кланов заменили казнь ссылкой. Преступник бежал по дороге. Сянь был лишен чина и имущества, впал в тоску и умер в тридцать лет, оставив старую мать и молодую вдову с детьми.

Слепая старуха, которую поддерживали под руки невестка и внук, дрожащей рукой поклонилась в сторону Цуй Люя. Её внук упал на колени, гулко ударяясь лбом о землю.

— Цуй Фэн. В четвертый год Сюаньхэ, прикрываясь указом императора о поддержке торговли, собрал деньги с двадцати семей сородичей якобы для дела в Управе Баочуань. Позже заявил, что партнер скрылся с деньгами. На деле же никакой торговли не было. Пока обобранные им семьи нищенствовали, Цуй Фэн купил поместье в столичном округе, завел наложниц и пятерых детей...

Жена Цуй Фэна, стоявшая в толпе в старом платье, побледнела. Она в ужасе смотрела на Чанлиня, её губы дрожали:

— Этого не может быть... Ложь...

Цуй Люй снова подал знак. Из невзрачной телеги вывели человека с мешком на голове. В то же время один из старейшин попытался скрыться в толпе, закрывая лицо рукавом.

— Третий дядя, куда же вы? — окликнул его Люй. — Не хотите ли объяснить поступки вашего сына Фэна? Вы ведь тоже не остались внакладе все эти годы?

В толпе поднялось волнение. Жена Цуй Фэна не выдержала и упала в обморок. Сам Фэн даже не взглянул на неё, лишь отчаянно мычал, пытаясь освободиться.

— Как глава рода я имею право судить любого из вас, — холодным тоном произнес Цуй Люй. — Фэн, ты предал своих братьев и поправил законы человечности. Есть ли тебе что сказать в свое оправдание?

С Цуй Фэна сорвали кляп. Он прохрипел:

— Я ухожу из рода! Сам! Выхожу из клана Цуй!

«Если я не в клане, ты не имеешь надо мной власти!» — читалось в его глазах.

Цуй Люй усмехнулся:

— Юаньчи, отправляйся в управу. Сообщи, что мошенник, обокравший двадцать семей, найден. Пусть его судят по закону. И передай господину судье: Цуй Фэн больше не под защитой нашего рода. Пусть делают с ним что хотят!

Услышав последние слова, Цуй Фэн вздрогнул. Ноги его подкосились, он пополз к Люю, моля о пощаде:

— Брат... Старший брат, я ошибся! Прости мою дерзость! Пощади меня, молю!

Но он и словом не обмолвился о том, чтобы вернуть украденное.

— Чтобы поймать тебя, мне пришлось заплатить банде речных перевозок немалую сумму, — ответил Цуй Люй, глядя на него сверху вниз. — Перевезти тебя с того берега было непросто. Неужели ты думаешь, что твои мольбы стоят слез тех людей, которых ты разорил? Посмотри на себя: ты живешь в роскоши, твой выезд богаче моего. Я-то, может, и пощажу, но простят ли тебя те, чьи жизни ты превратил в кошмар?

Это было невозможно.

Как только Фэн предстал перед всеми, толпа, сдерживаемая доселе страхом, взревела. Кто-то выкрикнул:

— Фэн, я убью тебя!

Разъяренные люди, чьи глаза горели ненавистью, бросились вперед. Если бы не стража поместья, Цуй Фэна растерзали бы на месте.

В этот момент над площадью раздался зычный голос:

— Наследственные посты старейшин отменяются! Отныне ими станут лишь достойные!

Цуй Люй решил вовлечь весь клан в реформу. Он хотел, чтобы люди сами выбрали себе лидеров, тогда никто не сможет обвинить его в предвзятости.

Раньше слово главы было законом, но Люй понимал: чтобы род процветал, нельзя полагаться на одного человека. Нужно собирать мудрые советы и слушать каждого. Он хотел, чтобы сородичи почувствовали свою причастность к делам клана.

Ему нужно было, чтобы новые помощники получили признание народа. Только так они смогут проводить реформы, не встречая сопротивления со стороны обиженных или завистников.

Он решил покончить со всеми проблемами разом. У него не было времени на долгие уговоры — факты говорили сами за себя. Каждый, у кого были глаза, видел, на чьей стороне правда.

— Цуй Люй! Если ты тронешь меня, я раскрою все тайны поместья! — взвизгнул Третий дядя, трясясь от ярости. — Посмотрите на него! Он живет в роскоши, попирая заветы предков! Предки видят это! Ты не имеешь права вести нас, а значит, не можешь нас сместить! Если не хочешь, чтобы мы пошли на дно вместе, лучше...

Третий дядя сорвался на хрип, глядя на Люя с безумной надеждой.

Цуй Люй долго смотрел на него. Молчание затянулось настолько, что старик уже был готов победно улыбнуться. Но тут Люй заговорил:

— Вы думаете, уездный судья защитит вас? Из-за ваших «тайн»? Дядя, вы стары и разум ваш помутился. Мы с господином судьей вместе сдавали экзамены. Более того, именно я дал ему денег, чтобы он смог занять это место. Неужели вы думали, что за ваши жалкие сто лян в год он стал бы почитать вас?

На площади воцарилась гробовая тишина.

«Цуй Люй — цзюйжэнь?!»

«Как это возможно? Почему мы не знали?»

Никто не знал. В тот год радостную весть о сдаче экзамена он получил в городской чайной вместе с будущим судьей. Люй подкупил вестников, чтобы те не разносили новость по клану, и тайно принес свиток в родовой зал.

Никто не спрашивал, а он не считал нужным рассказывать.

Даже то, что он помог судье получить назначение в их уезд, было их общим секретом. Откуда, по-вашему, он узнал, где прячется Цуй Фэн? Как нашел улики против старейшин?

В этих краях есть лишь один истинный хозяин. Все думали, что Люй подчиняется судье, но на деле они были связаны взаимной выгодой и опасениями.

Судья не мог бросить Люя, своего главного союзника. А Третий дядя был лишь самоуверенным глупцом.

В глазах Цуй Люя блеснул огонек:

— Сейчас император поощряет таланты и позволяет служить в родных краях. Как вы думаете, если я захочу занять должность, где я окажусь?

Обычно чиновников посылали подальше от дома, чтобы избежать кумовства. Но нынешний государь считал, что любовь к родной земле заставит человека служить лучше. У Люя были все шансы получить место в префектуре.

Он не собирался этого делать, но использовать этот довод, чтобы усмирить недовольных, было отличным ходом.

Осенью двадцатого года правления под девизом Сюаньхэ вековой уклад клана Цуй рухнул. Под давлением сородичей наследственные посты старейшин были упразднены. Вместо них был создан «Центр по обработке дел клана Цуй». Новое ведомство, во главе которого встали восемь доверенных лиц Люя, открылось в пристройке рядом с родовым залом.

Через несколько дней Цуй Люй прибыл в уездную управу. Его первой фразой при встрече с судьей была:

— Брат Ляньцюэ, не желаешь ли повышения?

Чжан Ляньцюэ пригласил гостя к столу:

— И как же мне его получить?

Цуй Люй тонко улыбнулся:

— Мой сын скоро отправляется в столицу. Когда ты поедешь с докладом в конце года, не мог бы ты присмотреть за ним?

Люй не хотел доверять жизнь Пятого бандитам с реки. А поездка чиновников в столицу была самым безопасным путем.

Чжан Ляньцюэ задумался, но не стал отказывать:

— Это несложно. Я помогу.

Люй в ответ положил на стол шкатулку:

— Мой старший сын, Юаньши, через два месяца сдает малый экзамен. Я уверен в его успехе. Я хочу, чтобы ты стал его поручителем, когда придет время назначать его на должность.

На самом деле чиновничья карьера в этой семье ждала только Юаньши. Все слова Люя о собственном назначении были лишь игрой, чтобы приструнить сородичей.

— Государь поддерживает земледелие и торговлю, — продолжал Люй, прихлебывая чай. — Нашему уезду пора двигаться вперед. Рынки в городе слишком тесные. Их нужно расширить, привлечь купцов из других земель. Нужно, чтобы жизнь здесь забила ключом.

Судья был поражен. Он только что получил тайный указ из столицы о новых реформах. Откуда Люй узнал об этом?

Неужели он помогает не только ему? Неужели кто-то из его протеже уже высоко взлетел и теперь делится тайнами?

Чжан Ляньцюэ сразу отбросил беспечность и серьезно кивнул:

— Да, господин Люй. Ваши мысли удивительно прозорливы. Я полностью согласен.

Цуй Люй заметил перемену в поведении судьи.

«Что-то изменилось...»

Говорят, нынешний император строго судит чиновников. Видимо, Ляньцюэ получил нагоняй сверху, раз даже не заикнулся о деньгах на расширение рынков. Стоит ли вынимать заготовленные банкноты?

«Нет, пожалуй, поберегу. И так много трачу в последнее время».

Люй вспомнил о проблемах в порту. Нужно найти способ приструнить тех наглецов, чтобы они не задирали цену.

— Слышал, Господин глава области пребывает в добром расположении духа? Говорят, он взял новую наложницу? — как бы невзначай спросил Люй.

Судья кивнул:

— Верно. Мы с коллегами готовим подарки. Через три дня едем в префектуру на пир.

Хороший повод для взяток, ничего не скажешь.

— А найдется ли там место для меня? — тихо спросил Цуй Люй.

Ему нужно было, чтобы портовые дельцы увидели его среди гостей главы области. Пусть знают, что он не просто богатый старик из деревни, а человек со связями. Тогда они станут сговорчивее.

— Конечно. Поедем вместе.

Чжан Ляньцюэ довольно улыбнулся. Отлично! Теперь ему не нужно тратиться на подарок — Люй наверняка возьмет это на себя, а сэкономленное золото можно пустить на свои дела в столице.

Оба остались довольны. Двое «старых лис» понимающе улыбнулись друг другу.

<http://bllate.org/book/16118/1583488>